

Министерство образования Республики Беларусь
УО «Минский государственный лингвистический университет»

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ТЕКСТЕ И ЯЗЫКЕ

Материалы VI Международной научной конференции,
посвященной памяти доктора филологических наук,
профессора С. М. Прохоровой

Минск / Беларусь 3–5 декабря 2015 г.

Минск МГЛУ
2017

УДК 81'27
ББК 81.000
НЗ5

Рекомендованы Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 3(44) от 17 июня 2016 г.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор В. Д. Стариченок (БГПУ); кандидат филологических наук, доцент А. В. Чуханова (БГПУ)

Редакционная коллегия: О. А. Полетаева (*ответственный редактор*), А. М. Горлатов, А. А. Романовская, В. Т. Иватович-Бабич, С. В. Ковалёнок, Т. В. Балуж

Национально-культурный компонент в тексте и языке : материалы VI Междунар. науч. конф. посвящ. памяти доктора филологических наук, профессора С. М. Трохоровой, Минск, 3–5 дек. 2015 г. / редкол. : О. А. Полетаева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2017. – 208 с.

ISBN 978-985-460-787-0.

В сборнике представлены материалы, посвященные ряду актуальных в современной лингвистике проблем: языковая и концептуальная картина мира; наивная модель мира, отраженная во фразеологии; национальные концепты, прототипы, стереотипы, концептуальная метафора; национально-культурный компонент в кодифицированном языке; диалекты как основа национального духа языка; национально ориентированный текст, обращенный к собственной и чужой культуре; национально-культурный компонент в художественном тексте; личное имя как особый языковой знак; национально-культурный компонент в аспекте лингвокультурологии и методике преподавания языков.

Для научных работников и аспирантов.

УДК 81'27
ББК 81.000

ISBN 978-985-460-787-0

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2017

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

<i>Адамия З. К.</i> Язык и личность в поликультурном мире	67
<i>Басава Г. І.</i> Беларускі «свет культуры» ў выкладанні лінгвакраіназнаўства	69
<i>Го Бинь.</i> Обращения политических лидеров к народу (на материале новогодних поздравлений В. В. Путина и А. Г. Лукашенко)	71
<i>Головня А. И.</i> Национально-культурная специфика русских пословиц с антонимическими концептами «ум», «глупость»	74
<i>Гурбих Е. А.</i> Отражение национально-культурного компонента в англоязычных текстах Пакистана	78
<i>Гурская Ю. А., Вертейко Е. Е.</i> Шляхетский антропонимикон в начале XX века (на материале личных имен и фамилий пинской шляхты)	80
<i>Десюкевич О. И.</i> Лингвокультурный типаж «белорусский партизан»	86
<i>Жизневская О. Н.</i> Языковой стереотип матери в текстах современных СМИ	91
<i>Иватович-Бабиц В. Т.</i> Концепт «белорусская шляхта» в художественной картине мира Владимира Короткевича	94
<i>Коростова С. В.</i> Личное имя в русской языковой картине мира (на материале художественных текстов XIX–XXI вв.)	99
<i>Кузьминова Т. Н.</i> Университетская среда как фактор формирования межкультурной коммуникации студенческой молодежи	103
<i>Лодята Е. С.</i> Видеоопрос как отражение ментальной картины мира говорящих по-русски	105
<i>Лукина О. А.</i> Особенности христианского экклезиологического ментала Беларуси	107
<i>Осмоловская И. Г.</i> Специфика функционирования иноязычных слов в рекламных текстах Беларуси	109
<i>Собко Т. Ю.</i> Национально-культурная специфика употребления императива в текстах социальной рекламы	113
<i>Соловьёва Н. В.</i> Особенности употребления титула <i>самодержец</i> в титулатуре русского царя (на материале Метрики ВКЛ 1585–1600 гг.)	116

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА. НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНОНАЦИОНАЛЬНОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

<i>Балуш Т. У.</i> Фрагмент моўнай карціны свету А. Разанава	119
<i>Булатая Е. В.</i> Стилистические средства выражения иронии в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: прагматический и переводческий аспекты	121
<i>Горбачев А. Ю.</i> Национальный аспект семейной темы в пьесе А. Вампилова «Старший сын»	124
<i>Кудреватых И. П.</i> Интерпретация художественного текста в аспекте коммуникативных намерений автора	127
<i>Мерчи А. П.</i> Речь героя рассказа в прямой и авторской передаче: художественные следствия различий (на материале рассказов Дж. Лондона и А. И. Куприна)	130
<i>Половцев Д. О.</i> Роман Э. М. Форстера «Куда боятся ступить ангелы»: к проблеме национального	134

В пьесе «Старший сын» самобытно решается проблема правды и лжи. Для Вампилова существует правда объединяющая (русская) и правда разъединяющая (прагматическая), ложь во спасение и ложь ради выгоды. Часто по ходу действия эти категории меняются местами, тем самым указывая на изменения в нравственной сфере. Прагматическая ложь Бусыгина превращается в объединяющую правду. Невинное лукавство Сарафанова по поводу места работы служит сплочению семьи. А правда Кудимова о похоронном оркестре могла стать могильщицей отношений между отцом и детьми. Призвана разрушить едва возникшее родство душ и правда Сильвы о том, что Бусыгин – не сын Сарафанова.

В «Старшем сыне» Вампилов обыгрывает «вечные» сюжеты, которые мы встречаем в Библии и античной мифологии. Так, мотив узнавания родственника фигурирует в сценах признания Бусыгина старшим братом и сыном; притча о блудном сыне – в мнимом обретении Сарафановым еще одного наследника; инцестный мотив – в зарождающейся взаимной симпатии Бусыгина и Нины, мнимых брата и сестры. Фиктивность использования «вечных» сюжетов у Вампилова при формальном подходе может быть интерпретирована как постмодернистская «симулякриванность». Однако на самом деле она служит подтверждением значимости и уникальности проблемы духовного родства, которую история поставила перед русскими и которая по сути идентична проблеме жизнеспособности народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вампилов, А. В. Избранное / А. В. Вампилов. – М., 1984.

И. П. Кудреватых (Минск, Беларусь)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ КОММУНИКАТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ АВТОРА

Коммуникативная стилистика художественного произведения, возникшая на стыке с другими науками, – это новая парадигма современного языкознания, опирающаяся на рассмотрение не только языковой системы текста, но и на анализ внетекстовой речевой системности (М. Н. Кожина), предполагающей обращение к авторской интенции. Интерпретация художественного текста как речевого произведения – это комплексное рассмотрение собственно лингвистических и экстралингвистических факторов, связанных с порождением текста как единицы коммуникации. Смысловая структура художественного текста напрямую связана с вопросами его лексико-грамматической организации, при этом грамматические средства, не менее чем лексические, способствуют процессу восприятия и адекватной интерпретации

текста. Кроме того, общая направленность на эффективность коммуникации автора и читателя при анализе художественной речи требует пристального внимания к ее лингвостилистическим аспектам.

В процессе текстовой деятельности автор путем использования индивидуальных языковых средств, особых приемов их грамматической и стилистической организации помогает читателю ассоциативно развертывать текст, наполняя его новыми смыслами. В индивидуальных авторских отклонениях от языковой нормы заложены истоки новых стилистических возможностей языковых единиц, способных при определенных условиях стать смыслоорганизующими. Текстовые ассоциации как необходимое условие интерпретации художественного произведения способны наполнить языковые структуры новым смысловым объемом, ярче раскрыть их речевой потенциал. Еще Ю. М. Лотман отмечал: чем больше интерпретаций текста, тем текст ценнее и тем долгие его жизнь. Кроме того, ассоциативное развертывание текста, связанное с отражением лингвистических и экстралингвистических сущностей, предполагает анализ художественного концепта, поскольку именно концепт, – указывает С. А. Аскольдов, – наряду с «заместительной силой», «психологической сложностью», «расплывчатостью», обладает «художественной ассоциативностью» [1, с. 275]. Ю. С. Степанов выделяет 3 «слоя» концепта: 1) основной, актуальный признак, 2) дополнительный, являющийся неактуальным, «историческим» (или несколько дополнительных), 3) внутреннюю форму, запечатленную во внешней форме [2, с. 47]. Кроме того, концепт – это факт культуры: история, современные ассоциации, оценки и т.д. [2, с. 43]. Таким образом, концепт – понятие сложное, требующее рассмотрения художественного произведения на уровне «партитурного чтения», с точки зрения установления взаимовлияния текстовых и внетекстовых условий его формирования.

В качестве единицы анализа художественного текста мы рассматриваем ассоциативное поле, представляющее совокупность языковых структур, содержательный аспект которых связан определенными ассоциациями (фонемными знаниями), отражающими коммуникативные интенции автора. Доминантной структурой ассоциативного поля становится художественный концепт, анализ которого предполагает, с точки зрения Н. С. Болотновой, определенную структуру: 1) ключевое слово и синонимичные ему лексические единицы, относящиеся к ядерной части ассоциативно-смыслового поля концепта, и 2) различные экспликативные и актуализаторы концепта [3]. При ассоциативном развертывании текста необходимо учитывать взаимодействие лексико-грамматической структуры с определенными реалиями, позволяющее выстраивать ассоциативные ряды как условие его интерпретации.

Незавершенный роман А. Платонова «Счастливая Москва» впервые был напечатан в 1991 г. Москва Ивановна Честнова – это образ новой женщины и Москва-город противостоят грубой темной силе мира. Ю. Нагибин назвал этот роман гениальным и в то же время самым страшным у Платонова [4]. Москва Честнова – ось, вокруг которой вращается новый мир, и тогда,

когда она одета в лучший шелк республики (правительство украшало лучших людей), и тогда, когда ее тело изувечено в шахте. Мир рухнет, если Москва «потухнет лампой» [5]. Она как будто не человек, а огонь и электричество, обслуживающие мир и счастье на земле.

Центральные концепты платоновского творчества, которые характеризуются большой смысловой нагрузкой, исследователи условно делят на две группы: 1) «идеологические» – лексемы, обозначающие общественно-политические реалии СССР (коммунизм, социализм, революция, СССР и др.) и 2) «онтологические» – лексемы и словосочетания, обозначающие явления бытия (жизнь, смерть, существование, душа, тело, сердце, чувство, ум, сознание, память и др.) [6, 7]. Каждый художественный концепт можно наполнить соответствующими эксплицитными и имплицитными смыслами как результат лексико-грамматической организации текста, в итоге складывается единое ассоциативно-семантическое поле. Например, концепты «сознание» и «жизнь», доминирующие в романе Платонова, можно рассматривать в качестве объединяющих в единое целое героев – Москвы Честновой, Виктора Васильевича Божко, Самбикина, Сарториуса и др. В результате можно выстроить параллельные ассоциативные ряды, между которыми устанавливаются контрарные отношения: с одной стороны, виртуальный мир (сознание), с другой – реальный (жизнь): 1) *жизнь обыкновенно со счастьем, счастливая теснота людей, одна всеобщая радость, счастливая безотчетность наполнять весь мир своим вниманием, воображения труда на советской земле, освещенного сейчас электричеством, ожидание социализма и др.*, 2) *незаметные бедствия народного хозяйства, общая бедность, любовь это не коммунизм (будущее) и страсть грустна, жизнь горя и сердца; Когда всего мало, это значит бедность, а ее надо охранять; Прощай моя жизнь – ты прошла в организационных наслаждениях. Ее больше нет и не будет и т.д.*

Москва Честнова, плененная идеями обещанного коммунизма, готова была охватить своим вниманием весь мир и даже *потухнуть вовремя лампой*, если это потребует для *гордости и героизма, для высокой судьбы*. Однако разочарования и в эпохе, и в людях, полученная в шахте травма изменили отношение героини к реальному миру, к идеалам социализма. Ее мир рухнул, как и надежды на *громадное наследство в виде социализма*. Ключевое слово *жизнь* можно представить двумя противопоставленными ассоциативными рядами: *хотелось пережить самой эту жизнь, мысленно принимала участие в происхождении различных дел, следила за огнем фонарей, чтобы они светили, желала быть везде соучастницей; была полна ... неопределенностью жизни – жизни не вышло, ей самой делалось все более печально, забытая теперь без звука, ее больше нет и не будет.*

Ю. М. Лотман указывал, что «структура содержания реализуется через структуру языка, образуя комплексное целое» [6, с. 45]. В романе Платонова как нельзя лучше отражена взаимосвязь внешней формы, содержания и действительности. Нарушение лексико-синтаксической сочетаемости, субъектно-объектных отношений в структуре предложения, смещение логических акцентов, явление ложной персонификации, нарушение логики в выражении

реалий, смешение лексики с абстрактной и конкретной семантикой и др. – это свидетельство саркастического отношения автора к идее всеобщего счастья: *Они заранее строили себе рабочую родину, чтобы им было где приютиться на старости лет, чтобы дети их могли в конце концов убежать и спастись в холодной стране, нагретой дружбой и трудом.*

Таким образом, язык А. Платонова, «грубый», «хтонический», «юродивый», как отмечает Т. Сейфрид [2], обладает большим ассоциативным потенциалом, становясь главным средством пародирования сложившейся к тому времени советской языковой практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: антология. – М., 1997.
2. Сейфрид, Т. Писатель против материи: о языке «Котлована» Андрея Платонова / Т. Сейфрид // Андрей Платонов. Мир творчества. – М., 1994.
3. Болотнова, Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте / Н. С. Болотнова // Вестн. ТГПУ. – 2007. – Вып. 2 (65). – Сер. Гуманитарные науки (филология). – С. 15–21.
4. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.azbooka.ru/book/16208.shtml> – Дата доступа : 10.11.2015.
5. Бондаренко, В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.library.ru/2/lik/sections.php?a_uid=173. – Дата доступа : 1.10.15.
6. Лотман, Ю. М. О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры / Ю. М. Лотман // Вопросы языкознания. – 1963. – № 3.
7. Радбиль, Т. Б. Мифология языка Андрея Платонова / Т. Б. Радбиль. – Н-Новгород : НГПУ, 1998.
8. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд. – М., 2001.

А. П. Мерчи (Минск, Беларусь)

РЕЧЬ ГЕРОЯ РАССКАЗА В ПРЯМОЙ И АВТОРСКОЙ ПЕРЕДАЧЕ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СЛЕДСТВИЯ РАЗЛИЧИЙ (на материале рассказов Дж. Лондона и А. И. Куприна)

Противопоставление прямой и пересказанной речи героя как одно из проявлений оппозиции «изображение vs интерпретация» в художественном тексте. Оппозиция изображения и интерпретации в художественной прозе реализуется в разных структурных компонентах текста: как в представлении внешности героев, пейзажей и интерьеров, так и в передаче коммуникации персонажей. В представлении общения данная оппозиция реализуется в нескольких аспектах: полнота передачи речи героев; место общения персонажей в ткани повествования.